

XXIV

18 марта

Стук в дверь.

- Кто там?

Это один из трех друзей, знающих мой тайник. Он бледен и задыхается.

- Что случилось?

- Один линейный полк перешел на сторону народа!

- Значит, идет бой?

- Нет, но Париж на стороне Центрального комитета[168]. Утром шаспо пробили головы двум генералам.

- Где?.. Как?..

- Один отдал приказ[169] открыть огонь по толпе. Но солдаты смешались с федератами, а его самого схватили и убили; первым выстрелил какой-то сержант в пехотной форме. Второй убитый – Клеман Тома. Он явился пошпионить, но кто-то из бывших участников Июня узнал его. К стенке и его!.. Сейчас их трупы, продырявленные, как шумовка, валяются в саду на улице Розье, там наверху, на Монмартре.

Он умолк.

Но ведь это – Революция!

Вот она наконец, желанная минута; я ждал ее, мечтал о ней с тех пор, как испытал первую жестокость отца, как получил первую пощечину учителя; с первого дня без куска хлеба, с первой ночи без крова. Вот она, отплата за коллеж, за нищету и за Второе декабря.

И все же я дрожу. Мне не хотелось бы, чтобы на заре победы наши руки были обагрены кровью.

А может быть, также сознание, что отрезано отступление, перспектива неизбежной бойни, грозной гибели заставили застыть кровь в моих жилах... И не столько из страха попасть

самому на эту гекатомбу, сколько от леденящей мысли, что может настать день, когда мне придется руководить ею.

– Когда вы имели последние известия?

– Час назад.

– И вы уверены, что после расстрелов не было стычки, что не случилось ничего нового, трагического?

– Ничего.

Как спокойны улицы.

Никаких признаков того, что под небом произошли какие-то изменения, что полуторафранковые Бруты[170] перешли Рубикон, подняв руку на карликового Цезаря.

Кстати, что стало с Карликом? Где он, Тьер?

Никто не знает.

Одни думают, что он прячется, готовый каждую минуту бежать; другие – что он копошится в каком-нибудь укромном уголке и отдает распоряжения собрать силы буржуазии, чтобы подавить восстание.

Площадь ратуши безлюдна. Я думал, что мы найдем ее запруженной народом, волнующейся или загроможденной пушками с направленными на нас жерлами.

А она пустынна и безмолвна; не нашлось еще здесь боевого парня или кого другого, кто силой своего убеждения смело зажег бы весь форум сразу, как ламповщик – люстру.

Толпа держится в сторонке, вытягиваясь в линию любопытных, но вовсе не строясь в боевой порядок.

И чего только не говорят!

«Двор полон артиллерии, канониры ждут с зажженными фитилями!.. Вспомните 22 января!.. Если мы сделаем хоть один шаг вперед, откроются двери и окна, и нас всех расстреляют».

Такие разговоры ведутся в разных концах площади, уже окутанной сумраком ночи и где мне мерещатся окровавленные силуэты двух генералов.

Вдруг прибегают какой-то гражданин.

– Улица Тампль занята Ранвье... Брюнель собрал свой батальон на улице Ризоли...

Ранвье и Брюнель там! Я тоже иду туда!

– Держитесь ближе к стенам! В случае залпа меньше опасности.

– Да нет! Если б во дворе стояли митральезы, а за окнами прятались бретонские мобили, – их было бы видно!

И мы, несколько человек, разрываем линию; извлекаем три звена из цепи колеблющихся, остальные звенья следуют за нами, бросают линию, и мы двигаемся все вместе.

В самом деле, вот и Брюнель, в парадной форме; он уже у ворот со своими людьми.

Я подбегаю к нему.

Он объясняет мне положение.

– Район в наших руках. Если даже они снова сформируются в каком-нибудь неизвестном нам пункте и нападут на нас, мы сможем продержаться до тех пор, пока Центральный комитет не пришлет нам подкрепление... Ранвье, как вам правильно сказали, здесь, рядом. Утверждают, что Дюваль[171] двинулся с людьми из пятого и тринадцатого округов на префектуру; если это неверно, нужно предложить ему немедленно выступить... Необходимо, чтобы улица Тампль всю ночь охранялась по-военному. Я был солдатом и считаю совершенно необходимым противопоставить казарменной дисциплине дисциплину восставших. Разущите же Ранвье и, как лучший его друг, передайте ему по-товарищески эти замечания. Я лично не могу этого сделать – подумают, что я хочу разыгрывать из себя начальство.

– Будет исполнено!

Он уже там и, бледный, руководит сооружением баррикады.

– Ну вот и готово! Погляди!

Черная линия штыков, целая вереница безмолвных людей. Это – армия Дюваля, молчаливая, как войско Ганнибала или Наполеона после приказа пройти незамеченным через Сен-Готард или Альпы.

Народ на страже – ночь надежная.

Но завтра, с восходом солнца, потребуется громкий призыв сигнального рожка.

И я взялся за одного приятеля.

– «Крик народа» должен снова появиться!.. Предупредите Марсея, выясните в типографии относительно бумаги... Скорее перо, я примусь за передовую!

Я уселся за стол.

Но... я ничего не написал.

Кровь слишком сильно бурлила в моих жилах, мысль жгла мозг; фразы казались мне или слишком напыщенными, или недостойными по своей простоте той великой драмы, над которой только что взвился занавес. Этот занавес, как и театральный, имеет два отверстия, пробитые двумя пулями, по-видимому уложившими на месте обоих генералов.

Когда я немного успокоился и, облокотившись на открытое окно, устремил свой взгляд на город – его застывший покой испугал меня.

Разве город не заодно с Революцией? Разве пули, выпущенные в генералов и пронзившие эти живые мишени, не задели сердце Парижа и он еще не на своем посту? Неужели восстание окажется делом только нескольких вожаков да немногих отважных батальонов?

Почему не чувствуется возбуждения, не слышно шума шагов, бряцанья оружия?

А что, если я снова вернусь к восставшим, к черному войску Дюваля, на серую баррикаду Ранвье?..

Подумать только: меня, защитника угнетенных, словно какого-нибудь сюртучника, охватывает тревога перед неизвестными именами!

И я захлопнул окно, не желая смотреть на непроницаемый город; он кажется мне мертвым, а говорили, что он восстал. Я захлопнул окно, и мой мозг тоже словно укрылся за каменную стену, – ни одна мысль не приходит мне в голову.

И на диване с вылезавшим из него конским волосом я провел часы, которые должен был бы провести на ногах или прикорнув на походной койке, готовый в любую минуту опустить курок.

Утром я побежал к ближайшим друзьям.

Они тоже выжидали, ошеломленные выстрелами на Монмартре.

